

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович

**Организация административного управления в Казахской степи:
государственная политика и региональные практики
(XVIII – первая половина XIX в.)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Самара 2017

Работа выполнена в секторе истории внутренней и внешней политики
Российской империи Поволжского филиала Федерального бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской академии наук

Научный консультант **Любичанковский Сергей Валентинович,**
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный
сотрудник Поволжского филиала ФБУН Института рос-
сийской истории РАН

Официальные оппоненты: **Абашин Сергей Николаевич,**
доктор исторических наук, профессор факультета антро-
пологии АНО ВО «Европейский университет в Санкт-
Петербурге»

Бахтурина Александра Юрьевна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры ис-
тории государственных учреждений и общественных ор-
ганизаций факультета документоведения и технотронных
архивов Историко-архивного института ФГБОУ ВО «Рос-
сийский государственный гуманитарный университет»

Брежнева Светлана Николаевна,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
«Социально-культурная деятельность» ФГБОУ ВО «По-
волжский государственный университет сервиса»

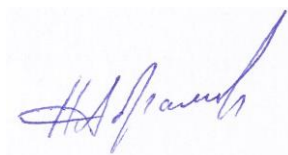
Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Защита диссертации состоится «23» мая 2017 г. в 14.00 часов на заседании Диссертаци-
онного совета Д 501.001.72 на базе Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, истори-
ческий факультет МГУ, 4 этаж, аудитория А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени
М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, а также на офи-
циальном сайте исторического факультета: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Vasilyev.htm>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н. Г. Абрамова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В центре диссертации стоит проблема формирования и реализации административной политики Российской империи в Казахской степи. Актуальность темы объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, до сих пор российские мероприятия в отношении казахских земель не были описаны как политика, т. е. как целенаправленная деятельность государства в отношении региона в целом, преследующая достижение некоего комплексного результата в различных сферах общественной жизни. Деятельность российского правительства, довольно подробно изученная в отношении отдельных частей Казахской степи (Младший, Средний и Старший жузы, Внутренняя орда), не рассматривалась как система согласованных действий, направленных на достижение заранее определенных целей в отношении всего региона. В связи с этим принципиальным вопросом, на который стремится ответить настоящая диссертация, является вопрос о наличии имперской политики в отношении казахских территорий как таковой. Был ли российский подход к региону единым или же представлял собой набор отдельных практик, был суммирующим результатом региональных тактик, направленных на решение конкретных проблем в конкретный временной промежуток на конкретной территории.

Во-вторых, существует потребность более акцентированного изучения отдельных эпизодов истории российско-казахских отношений, в настоящее время не до конца исследованных. В частности, выяснение характера хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского; обстоятельств принятия ханом Абулхайром российского подданства и различий восприятия этого шага российскими властями и казахской элитой; конкретных приемов управления Степью, использовавшихся руководителями пограничных администраций, в т. ч. манипулирования межродовыми и межклановыми противоречиями внутри Степи и др. В этом же контексте представляется актуальным комплексное рассмотрение отдельных проблем российско-казахских отношений, как то: вопрос об авторитете и пре-

делах ханской власти в XVIII – начале XIX в.; происхождение тех или иных административных институтов и их трансформация в конкретных условиях; роль региональной администрации в формировании общегосударственных подходов к решению конкретных проблем; причины формирования различных административных моделей в разных частях Казахской степи.

В-третьих, одна из задач работы – деидеологизированное прочтение источников, т. е. формирование концепции исследования, исходя из источниковой базы, которая, в свою очередь, оценивается критически, с учетом ангажированности создателей письменных памятников.

Объектом исследования является политика Российской империи в Казахской степи XVIII – первой половины XIX в.

Предметом исследования служат административные институты и социальные отношения по поводу их возникновения и трансформации, а также действия российских властей и казахской элиты, сопровождавшие становление административных систем на казахских территориях. Изучение указанного предмета позволяет через конкретно-исторический материал выйти на решение фундаментальной проблемы содержания и эволюции политики Российской империи в отношении кочевых и полукочевых народов в дореформенный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVIII по середину XIX в. Начало периода определяется активизацией российского интереса к Центральной Азии и пробуждением ответного интереса со стороны казахских лидеров. При этом исследование имеет некоторую ретроспективу в конец XVI в., которым датируются первые дошедшие до нас письменные документы о политических контактах России и Казахского ханства. Заканчивается период 1850-ми (для Малой и Внутренней орд – 1860-ми) годами, когда завершается период адаптации Казахской степи к условиям существования в Российской империи и регион вступает в фазу административной и территориальной унификации.

В связи с привлечением к сравнительному анализу административной политики России в отношении близких казахам башкир и калмыков, хронологи-

ческие рамки диссертации раздвигаются вглубь до середины XVI в., когда начался процесс присоединения Башкирии к Московскому государству.

Территориальные рамки исследования охватывают все земли, заселенные казахами и в разное время вошедшие в состав Российской империи: Малую, Среднюю, Большую и Внутреннюю орды¹, именуемые в диссертации собирательным названием Казахская степь. Обращение к административной политике России в Башкирии и Калмыкии расширяет территориальные границы исследования за счет граничащих с Казахской степью Южного Урала и Нижнего Поволжья.

Целью исследования является анализ государственной политики Российской империи по организации административного управления в Казахской степи и решение в этом контексте проблемы содержания и эволюции имперской политики в отношении кочевых и полукочевых народов в дореформенный период.

Указанной целью обусловлены следующие **задачи**:

– рассмотреть документально подтверждаемую предысторию российского подданства казахских ханов и старшин;

– изучить обстоятельства обращения хана Младшего жуза Абулхаира и других представителей элиты казахского общества к российскому правительству с просьбами о покровительстве;

– ответить на вопрос о восприятии казахского подданства внутри Степи и в российских правительственных кругах;

– рассмотреть деятельность российской центральной и региональной администраций по адаптации казахских жузов к определенным империей условиям;

– выявить основные направления и методы решения наиболее важных для

¹ В диссертации для обозначения крупных казахских административно-территориальных общностей (владений) применяется термин «жуз» в отношении дороссийского периода и при характеристике этнотерриториальных образований казахов (Младший жуз, Средний жуз, Старший жуз) и «орда» – в отношении зависимых от России территорий (Малая орда, Средняя орда, Большая орда, Внутренняя орда), как это было принято уже в официальных российских документах.

России проблем в Казахской степи;

– изучить условия, в которых оренбургским военным губернатором О. А. Игельстромом была осуществлена реформа управления казахами Малой орды, ее результаты и значение для дальнейших преобразований;

– проанализировать административные преобразования в Малой, Средней, Большой и Внутренней ордах;

– определить возможное наличие общих тенденций в административных преобразованиях для каждой части Казахской степи или для региона в целом;

– выявить наличие или отсутствие общих имперских подходов к трансформации административных систем у казахов и близких по социокультурному типу народов – башкир и калмыков.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и принципы социального и системного подходов. С целью избежать парадигмального детерминизма и субъективизма диссертация строится с опорой на факты (реальные законодательные и законотворческие документы и подтверждаемые разными источниками данные и события), которые позволяют воссоздать более приближенную к реальности картину прошлого. Основными методами исследования являются критика и анализ опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, обобщение материалов (синтез) и индукция, позволяющая строить общие заключения о политике Российской империи в Казахской степи исключительно на основе имеющихся в распоряжении ученых фактов. Кроме того, в работе используются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы, историко-антропологический, микроисторический и дискурсивный подходы, а также специальные юридические методы и институциональный метод, более свойственный политологии.

Степень изученности темы. Несмотря на имеющийся значительный объем историографии по истории российско-казахских отношений, до сих пор проблему административной политики Российской империи в Казахской степи исследовали фрагментарно, выбирая в качестве объекта исследования один или

несколько казахских регионов; ограничиваясь наиболее ярким периодом – XIX в., не уделяя внимания тому времени, когда шло формирование государственного подхода к управлению Казахской степью и определялось ее место в составе государства. При этом казахско-башкирским и казахско-калмыцким отношениям уделялось достаточное внимание, но не учитывался имперский подход к формированию систем управления в этих регионах. Историография проблемы более детально рассмотрена в первой главе диссертации.

Источниковая база исследования. Цели и задачи диссертации объясняют необходимость обращения к широкому кругу исторических источников, опубликованных и хранящихся в архивах, часть из которых не подвергалась всестороннему анализу. В настоящем исследовании использованы документы 13 фондов четырех центральных архивов (Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки), Государственного архива Оренбургской области и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Подробный анализ массива привлекаемых источников и их систематизация представлены в первой главе диссертации.

Научная новизна диссертации. Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что она является первым исследованием, в котором комплексно рассматривается административная политика Российской империи в отношении Казахской степи на материалах всех четырех частей региона – Младшего, Среднего и Старшего жузов, а также Внутренней орды.

К анализу административной политики и практики в казахских регионах привлечены архивные материалы (неопубликованные законодательные инициативы, законопроекты и инструкции, касающиеся различных аспектов управления), многие из которых либо используются впервые, либо анализируются с иных методологических позиций, более детально и в более широком контексте.

Исследование российско-казахских отношений (в первую очередь в их административном аспекте) проведено с минимизацией идеологического и кон-

цептуального влияния. Исторические источники рассмотрены не только в плане информативного содержания, но и с учетом конкретной исторической обстановки и позиции его создателя (создателей), его ангажированности, личных (корпоративных) взглядов и т. п.

Автором показано использование мощных межродовых и межклановых социальных движений в Степи (волнения под руководством Сырыма Датова) в контексте реализации тактических целей российского правительства.

На основе исследования административных мероприятий российского правительства в казахских землях сделан вывод о месте региона в составе империи и о возможности рассмотрения региональной политики империи в колониальном контексте.

Научно-практическая значимость исследования определяется достоверностью итогов работы, подтвержденных результативностью исследования научных проблем и доказательностью полученных выводов. В научный оборот введен и проанализирован большой комплекс архивных материалов, акцентированных на раскрытии проблем организации и преобразования административного ландшафта Казахской степи. Комплексный подход к раскрытию темы позволяет создать нарратив, готовый для последующей критики и включения в качестве составной части в масштабные научные работы по истории Казахстана имперского периода.

Привлекаемые источники позволяют осуществить воссоздание картины формирования административной политики на казахских территориях Российской империи, а также показать ее динамику в зависимости от исторических (временных), внутри- и внешнеполитических обстоятельств.

Достоверность выводов диссертации и научных обобщений является основой для дальнейшего изучения административной политики Российской империи в центральноазиатском регионе. Материалы исследования могут быть использованы при изучении политической истории Казахстана и российско-казахских отношений, а также при определении статуса региона в составе России и его динамики на протяжении всего имперского периода.

Результаты исследования могут применяться при подготовке отдельных разделов учебного курса по отечественной истории и специальных курсов по истории Российской империи, Казахстана и имперской проблематике вообще.

Апробация работы. Материалы, представленные в диссертации, обнаружены в 51 публикации, из которых 20 опубликованы в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК. В наиболее полном объеме данное исследование отражено в монографиях автора «Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века» (М., 2014. 29,5 п. л.), «Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века» (М., 2015. 20 п. л.). Кроме того, результаты исследования прошли апробацию на международных конгрессах и конференциях 2011–2015 гг. в Кембридже, Великобритания (ESCAS XII Biennial Conference, University of Cambridge, UK, September, 20–22, 2011); Коламбасе, США (Central Eurasian Studies Society's Twelfth Annual CESS Conference, Columbus, Ohio, September, 15–18, 2011); Астане, Казахстан (ESCAS XIII Biennial Conference, Nazarbaev University, Astana, Kazakhstan, August, 5–7, 2013); Нью-Йорке, США (15th Annual Conference of the Central Eurasian Studies Society, Harriman Institute of Columbia University, New York, USA, October, 23–26, 2014), Макухари, Япония (IX World Congress of International Council for Central and East European Studies, Makuhari, Japan, August, 3–8, 2015); Санкт-Петербурге (XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.).

Отдельные результаты исследования апробированы в рамках реализации проектов Российского гуманитарного научного фонда № 11-01-00511 «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», № 14-01-16006 «Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века».

Диссертация была обсуждена в секторе истории внутренней и внешней политики Российской империи Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук и на кафедре истории России XIX века –

начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Структура диссертации выстроена с учетом хронологии представленных материалов и логики их изложения. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложений.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, даны определения базовых терминов, указаны цель и задачи исследования, его научная новизна и практическая значимость, отражена апробация работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Исследовательская программа и методы ее осуществления» посвящена раскрытию историографии проблемы, доказательству возможности решения поставленных задач на имеющемся корпусе источников, изложению теоретико-методологических основ исследования.

Параграф 1.1 «Методологическая основа и методы реализации исследования». Современная активизация интереса к имперской проблематике объясняется исчерпанием ресурса концептуального аппарата модерности, описывавшего процессы периода «постмодерна». В центре внимания современных историков империи – история имперских элит и административного управления окраинами; региональный фактор в развитии империи; имперские мифы, институты и идеи; взаимоотношения между центром и периферией; динамика имперского сознания.

Такой подход к изучению империи как явления позволяет расширить историографические рамки и преодолеть парадигмальную узость прежних подходов. При этом империя становится не только формой организации сложного геополитического пространства, но и способом конструирования особой системы управления, сочетающей универсальные основополагающие элементы с региональными административными вариантами, обеспечивающими вкуче эла-

стичность и стабильность государства. Такое системное восприятие Российской империи дает возможность перейти к изучению проблемы административных технологий, позволяющих адекватно адаптировать инокультурные регионы к стабильному существованию в рамках пусть гетерогенного, но единого государства с учетом политической, экономической и социальной динамики. При имперском подходе в центре внимания остается вопрос о политике (или политиках) государства, что открывает возможность нового применения социальной и интеллектуальной истории, возвращает актуальность политической истории и истории государственных институтов. Применение концепций региональной и имперской истории позволяет увеличить масштаб исследования и, благодаря этому, избежать авторского позиционирования исследователя.

Системное восприятие поставленных задач ведет к пониманию империи как исследовательской ситуации, а не структуры или проблемы, позволяет подойти к познанию ее не только как формы организации сложного геополитического пространства, но и как способа конструирования особой системы управления, сочетающей универсальные основополагающие элементы с региональными административными вариантами, обеспечивающими в совокупности своей эластичность и стабильность государства. Для понимания имперских практик в рассматриваемом регионе инструментально используется концепция ориентализма², позволяющая определить смыслы тех или иных мероприятий правительства. Системный подход проявился в исследовании российской политики в отношении юго-восточных районов империи как системы. Именно этот подход и позволяет рассмотреть целостность этого социально-политического явления, подсистемами которого являются те модели управления, которые в разное время были созданы в Казахской степи, а также в Башкирии и Калмыкии.

Кроме методов, указанных на с. 6, для описания и исследования систем управления, устанавливавшихся Россией в казахских землях, чрезвычайно плодотворными являются исторический и логический методы, выступающие в

² Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

диалектическом единстве и противоположности.

Значительный объем привлекаемых в работе нормативно-правовых актов диктует необходимость применения формально-юридического метода, позволяющего осуществить соответствующий анализ событий и фактов, имеющих правовое значение. Сравнительно-правовой метод дает возможность осуществить сравнение нормативно-правовых актов, относящихся к одной сфере регулирования, но к разным периодам времени или разным затрагиваемым ими этносоциальным общностям. Это позволяет выявить преемственность или отклонения в государственной политике, реализовывавшейся в отношении различных частей рассматриваемого и соседних регионов.

Институциональный метод дает возможность изучить как используемые империей традиционные политические институты, так и конструируемые заново. Применение историко-антропологического, микроисторического и дискурсивного подходов, расширив круг источников, позволяет создать более объективную картину первых лет присутствия России в центральноазиатском регионе.

Названные методы, дополняя друг друга и компенсируя взаимную ограниченность, расширяют наши возможности познания и позволяют полностью решить задачи исследования и достигнуть поставленной цели.

В параграфе 1.2 *«Историография российско-казахских отношений»* содержится историографический обзор исследований, затрагивающих различные аспекты истории российско-казахских взаимоотношений.

Первым русским профессиональным историком Казахстана можно считать П. И. Рычкова, автора *«Топографии Оренбургской губернии»*³, где он изложил историю образования Оренбургской губернии, ее административное деление, сведения о численности и составе населения и пр. А вопрос о принятии российского подданства казахами Младшего жуза был поставлен в его работе *«Исто-*

³ Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1 и 2. СПб.: Императорская Акад. наук, 1762. 420 с.

рия Оренбургская»⁴. Заметную ценность представляет труд И. Г. Андреева⁵, в котором он описал районы кочевания казахов, собрал сведения о социально-экономической и политической истории казахов, зафиксировал нормы казахского обычного права. Вопросы организации российской системы управления в Среднем и Младшем казахских жузах были подняты А. И. Левшиным⁶. Автор не только подробно описал административное устройство двух жузов после ликвидации ханской власти, но и дал картину политической борьбы в регионе, на фоне которых и происходило складывание здесь российской административной системы. Собранные В. В. Вельяминовым-Зерновым редкие архивные материалы стали основой для рассказа о событиях, связанных с кончиной хана Абулхаира и последовавшей за ней борьбе за власть в Малой орде⁷. Исследованию Внутренней орды посвятили свои труды Я. В. Ханьков⁸ и А. Н. Харузин⁹, а история управления казахами западносибирского ведомства нашла отражение в работах В. И. Вагина и С. М. Прутченко¹⁰.

⁴ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб.: Императорская Акад. наук, 1759. Янв. С. 97–103; Февр. С. 125–135; Март. С. 210–215; Апр. С. 310–318; Май. С. 333–339; Июнь. С. 382–387; Июль. С. 408–415; Авг. С. 452–459; Сент. С. 470–478; Окт. С. 491–499; Ноябрь. С. 510–521; Дек. С. 530–535.

⁵ Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков с касающимися до сего народа, также и прилегающих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1795. Ч. СХ (август). С. 65–91; Ч. СХI (сентябрь). С. 20–45; Ч. СХII (октябрь). С. 17–35; Ч. СХIII (ноябрь). С. 27–44; Ч. СХIV (декабрь). С. 79–85; 1796. Ч. СХV (январь). С. 53–67; Ч. СХVI (февраль). С. 73–89; Ч. СХVII (март). С. 67–77; Ч. СХVIII (апрель). С. 61–77; Он же. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.

⁶ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1–3. СПб.: тип. К. Крайя, 1832. 264 с.; То же. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

⁷ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 г.). Т. 1. Уфа: губ. тип., 1853. 231 с. + Прил. 48 с.; Т. 2. Уфа: губ. тип., 1855. 64 с.

⁸ Ханьков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 году. [Б. м.: б. и.], [18-?]. 30 с.

⁹ Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIII. Труды антропологического отдела. Т. X. Вып. 1. М.: Тип. А. Левенсон и Ко, 1889. 550 с.; Вып. 2. Ч. 1. 1891. 824 с.

¹⁰ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. Тт. 1, 2. СПб.: тип. 2-го отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. 808+752 с.; Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским

В конце первого десятилетия XX в. появляются работы, обосновывающие и оправдывающие присоединение жузов и перспективу их более активного вовлечения в хозяйственно-экономическую жизнь государства. Одним из таких трудов стала книга П. П. Румянцева¹¹.

Утвердившийся после Октябрьской революции классовый подход к трактовке абсолютно всех исторических явлений повел отечественных историков за тезисом об установлении российского господства (подданства) как «абсолютного зла»¹². В первом обобщающем труде по истории Казахстана С. Д. Асфендиаров главную причину присоединения казахских жузов к России видел в экономическом интересе и желании укрепить нестабильную ханскую власть, признавая принятие подданства сделкой царского правительства с казахской элитой.

В 1940-е гг. тон и подход к освещению истории российско-казахских отношений несколько изменился. Так, М. В. Вяткин¹³, характеризуя процесс присоединения казахских земель к России, отказался от завоевательной терминологии, вполне объективно назвав его результатом соглашения местной элиты с российским правительством. Он совершенно справедливо отметил отсутствие единства как среди казахской элиты в вопросе о подданстве, так и в представлениях о подданстве российской и казахской сторон.

В это время была подготовлена работа Е. Б. Бекмаханова, в которой важные аспекты политической истории казахских территорий первой половины XIX в. были рассмотрены в русле прежней концепции «наименьшего зла»¹⁴.

учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Т. 1–2. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1899. 407 с.

¹¹ Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Переселенческое упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1910. 66 с.

¹² Галузо П. Г. Туркестан – колония: (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М.: Ком. ун-т трудящихся востока им. И. В. Сталина, 1929. 162 с.; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. (Буржуазная колонизация в Средней Азии). Л.: Коммунист. акад., 1930. 160 с.; Асфендиаров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алама-Ата; М.: Казакстанск. краевое изд-во, 1935. 262 с.

¹³ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. М.; Л.: Госполитиздат, 1941. 368 с.

¹⁴ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Отв. ред. Жиенгалиев Н. Б. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 400 с. (1-е изд.: Он же. Казахстан в 20–40 годы XIX века / под

Крупнейший историк Казахстана определенно был прав, отмечая, что до начала XIX в. казахские жузы подчинялись России только номинально. А активное строительство укрепленных линий, создание казахских поселений, административные реформы в Казахской степи и экономическое закрепление империи в регионе были шагами по ликвидации «...остатков политической независимости казахов».

Следующий этап историографии присоединения казахских земель к России начался с середины 40-х гг. В это время стал прорабатываться тезис о прогрессивности присоединения казахских жузов к Российской империи, впервые обоснованный известным историком Н. Г. Аполловой¹⁵. В новом и следующем изданиях «Истории Казахской ССР»¹⁶ речь уже шла о добровольном присоединении Казахстана к России. Региональная политика российского правительства была оценена с точки зрения положительных последствий присоединения, а широкие народные движения утратили национально-освободительную окраску. Е. Б. Бекмаханов, С. Е. Толыбеков и другие авторы¹⁷, поддерживая тезис о национально-колониальном гнете и реакционном характере колонизаторской политики российского правительства, сделали вывод о том, что главным итогом вхождения казахских жузов в состав Российской империи было приобщение народных масс региона к революционной борьбе русских рабочих. С. З. Зиманов¹⁸ рассмотрел различные вопросы функционирования российской административной системы и остатков традиционных властных институтов у

общ. ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. 391 с.)

¹⁵ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 247 с.

¹⁶ История Казахской ССР. Т. 1. 3-е изд. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1952. 495 с.; История Казахской ССР. Т. 1 / [Ред. коллегия: М. О. Ауэзов и др.]. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1957. 609 с.

¹⁷ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 342 с.; Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. 448 с.; Шахматов В. Ф. К вопросу о расслоении казахского аула в первой половине XIX в. // Вестн. Акад. наук Каз. ССР. 1957. № 7. С. 54–70; Зиманов С. З. К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России (по материалам Внутренней орды) // Труды. Сер. юрид. / Каз. ун-т. Т. 2. 1956. С. 63–77 и др.

¹⁸ Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.

казахов Среднего жуза, а все негативные действия оправдывал прогрессивными последствиями.

Важно обратить внимание на чрезвычайно интересную работу В. Я. Басина¹⁹, в которой он пришел к выводу, что формой зависимости Казахской степи от империи в XVIII и начале XIX в. был протекторат с элементами вассалитета. Эту точку зрения поддержал и А. Сабырханов²⁰, признав, что первоначально российское подданство имело со стороны казахов характер вассалитета, а со стороны России – протектората.

В трудах советских историков в 1970-е – 1980-е гг. Н. Г. Аполловой, Н. Е. Бекмахановой, В. Я. Басина и др.²¹ подчеркивался добровольный характер присоединения Казахстана к России и его прогрессивный эффект. При этом исследователи отмечали и негативные последствия региональной политики царского правительства, называя ее колониальной.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Казахстане отмечается активизация интереса к периоду присоединения его к России. Б. М. Абдрахманова, касаясь организации управления у казахов Оренбургского ведомства, отметила различия в подходах российского правительства к организации управления казаками оренбургского и западносибирского ведомств²². Дискуссия о личностях Абулхаира и Абылая и их ролях в истории Казахской степи была поднята и

¹⁹ Басин В. Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1967. № 5. С. 26–34.

²⁰ Сабырханов А. Казахско-русские отношения в 50–90-х годах XVIII века: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1965. 19 с.

²¹ История Казахской ССР: (С древнейших времен до наших дней): В 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Наука, 1982. 558 с.; Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: Наука, 1982. 434 с.; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.; Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XV–XVIII в.: (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.; Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения. М.: Наука, 1980. 280 с.; Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. Ташкент: Узбекистан, 1978. 403 с.; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 391 с.

²² Абдрахманова Б. М. Органы государственной власти и управления в Казахстане (20-е годы – конец XIX в.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1989. С. 13–15; Она же. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: [Б. и.], 1998. 137 с.

поддержана в трудах Ж. К. Касымбаева²³, Б. Б. Ирмуханова²⁴, И. В. Ерофеевой, которая назвала главной причиной интенсификации сближения Петербурга с казахами стремление империи предотвратить их консолидацию с башкирами против России²⁵.

Проблемы присоединения Казахстана к России так или иначе затрагиваются и современными российскими учеными.

Известный исследователь Сибири А. В. Ремнев²⁶ в своей диссертации пришел к заключению, что реформы высших и центральных органов власти империи, предпринятые в начале XIX в., были плохо согласованы с местным административным уровнем. Е. В. Безвиконная сформулировала вывод о том, что «основные направления административной политики российского самодержавия в отношении Степного края на протяжении XIX в. отличались целостностью реализации генеральной линии, при наличии определенной вариативности на центральном и местном уровнях власти, и составили органическую часть правительственной стратегии и административных практик в отношении национальных окраин. Однако полной политико-правовой интеграции и управленческой унификации достигнуто не было, к чему самодержавие, несомненно, стремилось»²⁷.

Различия в системах управления оренбургскими и сибирскими казахами были проанализированы Н. Е. Бекмахановой в соавторстве с

²³ Касымбаев Ж. К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.) / Отв. ред. М. Ж. Абдиров. Т. 1. Алма-Ата: Білім, 1999. 288 с.

²⁴ Ирмуханов Б. Б. Казахстан: историко-публицистический взгляд. Алматы: Олке, 1996. 227 с.

²⁵ Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы: Дайк-пресс, 2007. С. 239. (1-е изд. Алматы: Санат, 1999; 2-е изд. Алматы: Санат, 2003.)

²⁶ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. 237 с.; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 1997. 252 с.

²⁷ Безвиконная Е. В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20–60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. С. 24; Она же. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Монография. Омск: Изд-во ОГИ, 2005. 240 с.

А. М. Нургалиевой. При этом политика оренбургских губернаторов была охарактеризована как более жесткая в социально-экономическом отношении, по сравнению с политикой их западносибирских коллег²⁸. В опубликованной в 2015 г. монографии Н. Е. Бекмаханова обратила внимание на то, что административное устройство той или иной части региона зависело от времени и условий его присоединения к империи²⁹.

Исследованию российских административных подходов в Казахской степи Оренбургского ведомства посвящен ряд работ С. В. Любичанковского. Примечательно, что он уделяет внимание не только отдельным региональным аспектам имперской политики³⁰, но рассматривает общеполитический подход государства к администрированию своих окраин³¹. Значительный интерес представляют работы Ю. А. Лысенко, в которых она рассмотрела организацию имперского управления в Казахской степи как один из этапов закрепления России в регионе³².

Зарубежная (западная) историография Казахстана XVIII–XIX вв. аккумулируется вокруг нескольких политически значимых тем: присоединение казахских земель, региональная политика и массовые народные движения. Преобразованиям российского правительства в Казахской степи посвящены работы До-

²⁸ Бекмаханова Н. Е. К вопросу о различиях в методах управления казахами в XIX в. администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств: социально-экономические и конфессиональные аспекты // Этнопанорама. 2006. № 3–4. См. также: Бекмаханова Н. Е., Сайкина Ф. А. Законодательная политика царского правительства в 20-х годах XIX века в Казахстане // История: Сборник статей аспирантов и соискателей. Вып. 3. Алма-Ата: [Б. и.], 1968. С. 113–123; Бекмаханова Н. Е. Царское правительство и институт султаната Среднего жуза в XIX веке // Известия АН КазССР. Сер. общественная. 1968. № 2. С. 34–39.

²⁹ Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 234, 235.

³⁰ Lyubichankovskiy S. Orenburg Policy of the Kazakh's Islamization and the Reason of its Change in the 19th Century // Conference. Changing Patterns of Power in Historical and Modern Central and Inner Asia. 7–9 August 2014: Program and Book of Abstracts. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar University, 2014. P. 45.

³¹ Любичанковский С. В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский ист. вестн. 2013. № 3. С. 59–68.

³² Лысенко Ю. А., Куликова М. В. Система местного самоуправления в Казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2013. № 4–1 (80). С. 181–188.

ва Ярошевского³³, назвавшего реформы О. А. Игельстрома попыткой инкорпорирования кочевого общества в общеимперское пространство, и Пола Гайсса³⁴, рассмотревшего политическое устройство казахов и отметившего хроническое ослабление ханской власти в мирное время. В контексте настоящего исследования заслуживает внимания статья В. Мартин³⁵, в которой она обратила внимание на различное восприятие термина и явления барымты³⁶ в казахском обществе и у российской администрации, обусловленное в первую очередь цивилизационными различиями.

Таким образом, всю отечественную историографию Казахстана можно разделить на три периода: имперский, советский и современный (постсоветский).

Внутри имперского периода выделяются три последовательно сменивших друг друга направления, обусловленных объемом вводимых в оборот научных данных и степенью их осмысления. Первый представлен в основном российскими дипломатическими, военными и гражданскими чиновниками, а также путешественниками, которые своими глазами видели объект своих научных описаний и часто были сами участниками и творцами тех событий, которые описывали. На рубеже XVIII–XIX столетия начинает формироваться следующее направление, представленное первыми обобщающими трудами, носившими этнографический и исторический характер. В них уже предпринимаются

³³ Yaroshevski D. *Empire and Citizenship // Russian Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / D. Brower and E. Lazzarini (eds.).* Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 58–77.

³⁴ Geiss P. *Tribal commitment and political order in Central Asia // Central Asia: a decade of reforms, centuries of memories.* Firenze: L. S. Olschki, 2003. 323 p.

³⁵ Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер.* М.: Новое изд-во, 2005. С. 360–388.

³⁶ Барымта – насильственный угон скота, к которому прибегали в случае отказа исполнять приговор суда биев. «Барымта была законной процессуальной нормой, если она соответствовала следующим требованиям: 1. Совершалась с ведома бия, вынесшего приговор и правителя общины истца; 2. Истец открыто заявлял противной стороне о намерении силой добиться исполнения приговора; 3. Количество угнанного скота примерно соответствовало сумме иска». (Абиль Е. А. *История государства и права Казахстана: Курс лекций / 3-е изд. перераб. и доп.* Караганда: ТОО «Учебная книга», 2005. С. 115.)

попытки не только отразить факты российско-казахского взаимодействия, но и проанализировать их суть, описать историю казахских регионов уже в период российского господства, показать роль пограничной администрации в обустройстве новых владений империи. В самом конце XIX в. появляются работы третьего направления, целью которых становится осмысление российского присутствия в регионе как такового: в чем причины продвижения империи в степь, каков истинный смысл обращения казахских ханов и старшин за российским подданством, каков был истинный характер этого подданства, как оценить административные преобразования в Казахской степи и пр.

Советский период историографии Казахстана также можно разделить на два больших этапа. В первые десятилетия после Октябрьской революции история российского господства в Казахстане трактовалась в контексте колониальной политики «тюрьмы народов», а протестные движения населения – исключительно как прогрессивные и революционные. В отношении всех нерусских территорий России возобладала концепция империи как «абсолютного зла», которую несколько позднее сменила концепция присоединения к империи как «наименьшего зла». С середины 1940-х гг. тон и подход к освещению истории российско-казахских отношений меняется. Начинается проработка тезиса о прогрессивном значении присоединения казахских жузов к России, окончательно утвердившегося в отечественной историографии в начале 1950-х гг. и господствовавшего до конца 1980-х гг.

Постсоветская историография распадается на два параллельно развивающихся направления. Одно из них представлено значительной частью современных казахстанских исследований и некоторыми отечественными работами, написанными с позиций постколониализма и даже виктимизации истории Казахстана. Это вполне объясняется развитием в России либеральной идеологии и актуальной в Казахстане задачей создания национального нарратива. Параллельно с этим в последнее десятилетие в российской и в меньшей степени в казахстанской исторической науке появляются работы, посвященные отдельным сюжетам и аспектам российско-казахских отношений, встающие над политоло-

гическими проблемами современности и рассматривающие объекты своих исследований критически и многопланово, с учетом современных методологических концепций.

Таким образом, историческая наука в настоящее время объективно подошла к необходимости анализа мероприятий российского правительства по организации управления в Казахской степи с целью определения наличия или отсутствия общего подхода (политики) в этом направлении: выявления основных направлений и методов решения наиболее важных для России проблем в Казахской степи; совокупного анализа административных преобразований в Малой, Средней, Большой и Внутренней ордах; определения возможного наличия общих тенденций в административных преобразованиях для каждой части Казахской степи или для региона в целом; выяснения наличия или отсутствия общих подходов к административным преобразованиям у казахов и соседних кочевых народов Российской империи; выявления институтов и административных приемов, использовавшихся империей у башкир и калмыков и перенесенных на Казахскую степь.

Параграф 1.3 «Характеристика источниковой базы» посвящен анализу источников, на основе которых проводилось диссертационное исследование. Выбор административной политики в качестве объекта исследования обусловил и выбор источников, основные из которых можно разделить на несколько групп.

Первую, одну из самых значимых групп источников составляет актовъый материал – памятники законодательства (уставы, положения, указы, грамоты) исследуемого периода, т. е. опубликованные и вступившие в силу законы. К ним примыкает группа документов законотворчества, т. е. материалы, возникшие в период инициирования и подготовки законопроектов. Сюда относятся инициативные записки, справочные материалы, журналы и протоколы заседаний соответствующих комиссий, рабочие и итоговые варианты законопроектов.

Важную группу источников составляют материалы Азиатского и Сибирского комитетов – высших органов управления, непосредственно связанных с

формированием и реализацией имперской политики в Казахской степи. Материалы Министерства иностранных дел, как одного из центральных органов управления казахами, относящиеся к вопросам организации местной администрации, составляют часть этой группы документов, как и материалы МВД в отношении управления Внутренней ордой.

Другая группа представлена деловой перепиской (донесениями, рапортами, докладами, служебными записками, предписаниями и отношениями) главных региональных и центральных властей по отдельным вопросам реализации государственной политики на юго-восточной окраине.

К указанной группе близка другая категория письменных источников – дневниковые записи, журналы и труды российских должностных лиц пограничного управления и ученых, направленных в Степь со специальными миссиями либо непосредственно связанных с управлением степными жителями.

Особую группу источников представляет собой переписка казахских ханов и старшин с российскими (высшими и региональными) чиновниками и институтами. Большинство писем с казахской стороны писались на татарском языке и используются в диссертации в переводах, сделанных либо сразу при их получении в соответствующих инстанциях, либо при их современной публикации.

Значительная часть привлеченного к исследованию документального материала была опубликована ранее³⁷. Однако следует заметить, что некоторые из них публиковались частично, а интерпретация (избранные фрагменты) других носила порой тенденциозный характер. Поэтому в работе была предпринята попытка более широко, без политической ангажированности, рассматривая до-

³⁷ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV / Отв. ред. М. П. Вяткин. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 543 с.; Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1960. 441 с.; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. (Сборник документов и материалов) / под ред. В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов) / ред. кол. М. О. Джангалин, Ф. Н. Киреев, В. Ф. Шахматов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.; История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.

кументы в комплексе, прочитать их не как иллюстрации к собственной гипотезе, а как базу для ее формирования.

Среди фондов высших и центральных учреждений Российской империи хранятся как неопубликованные общедоступными тиражами законодательные памятники, так и документы, относящиеся к законотворческому процессу (законопроекты, материалы их обсуждения и пр.), переписка высокопоставленных чиновников с должностными лицами российской региональной администрации и представителями традиционной казахской элиты. Основная масса законодательных актов была в свое время включена в ПСЗРИ, отдельные памятники имперского законотворчества отложились в архивах в фондах центральных органов управления – Коллегии иностранных дел, Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и Военного министерства³⁸.

Не меньшую ценность представляют собой законопроекты по созданию новой административной системы на казахских землях, фиксировавшие разнообразные подходы к интеграции либо автономизации казахских территорий в составе России. Анализируемые в рамках данной работы законопроекты прежде не были опубликованы. В тех же фондах находятся документы, отражающие повседневное функционирование региональных органов российской администрации, материалы, фиксирующие их взаимодействие с приграничным казахским населением, а также с отдельными представителями местной элиты и рядовыми коренными жителями³⁹.

Системный анализ изучаемой проблематики потребовал привлечения

³⁸ Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ); Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив // АВПРИ; Ф. 400 // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА); Ф. 381. Канцелярия министра земледелия // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА); Ф. 383. Первый департамент Министерства государственных имуществ (далее – МГИ) // РГИА; Ф. 1264. Первый Сибирский комитет // РГИА; Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел (далее – МВД) // РГИА; Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената // РГИА.

³⁹ Ф. 78. Временный совет по управлению Внутренней казахской ордой МВД // Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК); Ф. 374. Пограничное управление сибирскими казахами // ЦГА РК; Ф. 383. Управление казахами Сырдарьинской линии. Форт Перовский // ЦГА РК; Ф. 6. Канцелярия оренбургского генерал-губернатора // Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОрО).

большого объема документов российских центральных (Архив внешней политики Российской империи, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный исторический архив), регионального (Государственный архив Оренбургской области) и зарубежного (Центральный государственный архив Республики Казахстан) архивов, которые дополняют, актуализируют и придают объективность диссертационному исследованию. В 13 фондах шести архивов был собран материал, содержащий информацию по всему спектру исследуемых вопросов. Используемые источники отличаются видовым разнообразием. Значительная часть архивных документов вводится в научный оборот впервые. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач привлечена разноплановая источниковая база, которая позволяет решить поставленные в диссертации задачи.

Глава вторая «Административная политика России в Казахской степи в первой половине XVIII века: утверждение системы косвенного управления» освещает период от первых документально доказанных контактов казахских ханов с Русским государством до конца XVIII столетия.

Параграф 2.1 «Первые дипломатические контакты России и Казахского ханства» рассматривает становление российско-казахских отношений. В частности, обстоятельства, связанные с посольством в Москву от казахского хана Тауекеля в 1594 г. с просьбой о покровительстве. Уже здесь заметна существенная разница между восприятием характера межгосударственных отношений обеими сторонами. Царское правительство хотело видеть в казахах своих подданных, в то время как последние искали лишь военно-политического союза.

Активизация российского интереса к региону приходится на период правления Петра I, ставшего инициатором серии военно-дипломатических экспедиций в Центральную Азию. Эти шаги не только определили новый вектор имперской политики, но и стимулировали ответную реакцию со стороны местных владетелей, в первую очередь казахских лидеров.

Российско-казахские контакты исторически были многоплановыми и учитывали не только стратегические задачи обеих сторон, но и актуальные на текущий момент цели. Поначалу носившие торговый характер, в конце XVI столетия они обрели форму военно-стратегического партнерства. И хотя последнее в то время так и не было реализовано, обращение казахских ханов к России как к потенциальному военному союзнику свидетельствует о формировании в казахской элите представления о перспективе превращения северного соседа в возможного партнера-покровителя, способного укрепить могущество Казахского ханства перед лицом внешней опасности.

Трансформация российской социально-экономической модели в петровское время поставила перед российским правительством новые задачи, решить которые крепнущая империя могла, используя не только западный, но и восточный векторы. Оба этих направления государственной политики во многом отличались друг от друга. И если продвижение России на запад реализовывалось в большей степени в политическом, технологическом и ментальном отношении, то продвижение на восток в значительной мере было созвучно традиционно экстенсивному характеру отечественной экономики. Именно прикладные цели доступа к природным ресурсам региона и открытия новых торговых путей преследовала российская политика на Востоке петровского времени. В этот период Казахская степь представляла для империи интерес лишь как транзит к более развитым Бухаре, Хиве, Балху, Коканду, Индии, Афганистану и Китаю.

Интерес к Российской империи со стороны казахских ханов был обусловлен постоянными конфликтами с волжскими калмыками, башкирами. А угроза столкновения с джунгарами ставила вопрос о сохранении не только внутрижузового единства, но и казахского этноса как такового.

Параграф 2.2 «Включение в состав России кочевых народов Южного Урала и Нижней Волги (адаптационный период)» распадается на две части. В первой («Башкирская модель») показано, что в значительной степени добровольный характер включения Башкирии в состав России вынудил царское прави-

тельство мириться с местными традициями и какое-то время сохранять традиционное административно-территориальное деление и самоуправление. Однако необходимость централизации и унификации управления государством подтолкнули его к искоренению местных административных традиций и замене их общегосударственными институтами. Однако жесткость и завышенные темпы преобразований вызывали масштабное сопротивление широких слоев башкирского населения, что, в свою очередь, заставило российские власти искать компромисс и переходить к использованию более гибкой тактики для достижения искомой цели. Главной чертой российско-башкирских отношений XVII – первой трети XVIII в. стала административно-политическая ассимиляция Башкирии с целью повышения эффективности управления ею. При этом распространение общегосударственных узаконений отнюдь не означало полной ликвидации некоторого своеобразия региона.

Вторая часть параграфа («*Калмыцкая модель*») посвящена изучению первых десятилетий существования Калмыцкого ханства, специфика которого заключается в том, что оно было в значительной мере искусственной структурой, созданной на российских землях, никогда не принадлежавших калмыкам. Отсюда вполне закономерно, что значительную часть своей легитимности калмыцкие лидеры черпали именно из поддержки российских государей. Исходя из этого, царское правительство либо содействовало укреплению ханской власти, либо провоцировало столкновения тайшей и нойонов с целью ее ослабления и подбора более приемлемой кандидатуры. При этом, стремясь минимизировать затраты на управление калмыками, правительство вынуждено было учитывать авторитет правителя, отсутствие которого значительно удорожало бы местную администрацию. Несмотря на сохранение значительного объема калмыцких обычаев и традиций, уже в XVIII в. начался процесс интеграции ханства в административное пространство империи. Со временем правительство начало использовать здесь формы косвенного управления. Некоторая часть элементов российско-калмыцкой политики была использована имперским правительством и в строительстве российско-казахских отношений с той лишь

разницей, что наиболее одиозные и явные меры давления на местную элиту были исключены из политического меню из-за иного геополитического положения казахов.

В параграфе 2.3 «Вступление казахов в подданство Российской империи» анализируются события, связанные с принятием казахами Младшего и части Среднего жузов российского подданства, а также восприятие этого шага обеими сторонами.

В апреле 1730 г. с просьбой дать подвластным ему казахам российское подданство в Петербург обратился хан Малой орды Абулхаир. Тогда же были впервые сформулированы принципы взаимоотношений с новыми подданными: их сближение с другими кочевыми инородцами государства (с башкирами и калмыками); миролюбивый характер отношений с другими народами империи и охрана российских торговых караванов при их следовании через степь.

Присоединение казахских земель к России было инициировано казахской стороной. Сложные внешне- и внутривосточные обстоятельства (джунгарская опасность; внутренние распри, приведшие к ослаблению ханской власти) вынудили хана Младшего жуза Абулхаира искать надежного союзника. Ему, как и большинству казахской элиты, таким союзником виделась набирающая мощь Российская империя. Однако кроме указанных объективных причин у Абулхаира имелись и субъективные, скрытые от его султанов. Это желание укрепить за счет союзника свое личное положение в жузе и утвердить принцип прямого наследования ханской власти, в чем ему вполне и могла помочь Россия, имевшая уже на тот момент опыт взаимодействия с кочевыми народами (с башкирами и в первую очередь с калмыками).

Это присоединение воспринималось обеими сторонами по-разному. Если казахам оно виделось как заключение союзнических отношений, предполагавших минимальные ограничения и сохранение права свободного выхода из союза, то империя считала казахов полноценными подданными, наделенными серьезными обязанностями перед верховной властью. Такое разночтение определило характер российско-казахских отношений вплоть до начала XIX столетия,

проявлявшийся в непокорности казахов, с одной стороны, и в жесткости мер воздействия на них – с другой. Процесс вхождения казахов в состав Российской империи растянулся более чем на столетие и создал ситуацию, при которой некоторая часть казахских султанов уже считала себя подданными России, а другая продолжала видеть в ней своего союзника. И без того шаткое положение казахских ханов осложнялось еще и тем, что они вынуждены были, вопреки желаниям своих султанов и старшин, исполнять политическую волю Петербурга, весьма сомнительную в глазах большинства подвластного им населения.

В параграфе 2.4 «Трансформация власти казахских ханов. Середина XVIII века» изучается ситуация, сложившаяся в Казахской степи после гибели хана Абулхаира, когда российские чиновники всерьез обеспокоились вопросом о природе ханской власти и традиции избрания местных правителей. В это время пограничная администрация (И. И. Неплюев) выступила с инициативой утверждения избираемых ханов верховной властью империи, параллельно сделав ставку на игру на противоречиях внутри казахской элиты.

В рассматриваемый период ярко проявилось отсутствие единства внутри региональной российской администрации (между И. И. Неплюевым и А. И. Тевкелевым) по вопросам практической реализации политических установок правительства, ибо тогда эти установки не обрели еще конкретных очертаний. Но основные элементы правительственного курса на разобщение казахской элиты, разделение управления отдельными частями Казахской степи, ослабление ханской власти и отказ от учреждения в Степи имперских административных институтов стали уже вполне очевидными.

В середине XVIII в. перед Российской империей встала новая чрезвычайно сложная задача удержания присоединенных владений в повиновении. Не создавая особых органов для вновь приобретенных территорий, Россия избрала три способа решения этой задачи: использование внутриказахских противоречий во избежание концентрации власти в степи в одних руках, последовательное превращение ханов в ставленников правительства и приведение казахов к повиновению посредством периодических карательных экспедиций в степь.

Восприятие Казахской степи как внешнего региона империи действительно не обязывало Россию создавать здесь регулярную администрацию. Более эффективной моделью в это время виделось косвенное управление, которое, при минимальных финансовых и политических затратах, могло обеспечить управляемость новыми землями. Положение осложнялось тем, что местные политические институты, на которых и зиждется косвенное управление, не могли выполнить роль фундамента и гарантировать стабильность в Казахской степи. Обеспечить свое безусловное доминирование в регионе пограничная администрация пыталась за счет ослабления ханской власти и поддержания отношений с возможными претендентами на власть в регионе.

Империя, сама того до конца не понимая, оказалась в западне: опираясь на ханскую власть одной рукой, она подтачивала ее другой. Фактически реализуя принцип «разделяй и властвуй», не допуская усиления ханов, способных возглавить антироссийскую смуту, российское правительство фрагментировало степь и, оперируя с отдельными родовыми группами, лишь усиливало с трудом сдерживаемый ханами политический хаос. При этом был нащупан единственный выход – избрание на ханский престол ангажированных империей султанов. Опыт оказался неудачным, ибо казахи не готовы были, в нарушение традиции, повиноваться тем лицам, чье ханское достоинство не было для них легитимным.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что российско-казахские контакты вплоть до второй четверти XVIII в. носили военно-политический и торговый характер. Присоединение казахских земель к Российской империи было инициировано казахской стороной и обусловлено перспективой жесткого столкновения с джунгарами. Отношения подданства, сложившиеся после присоединения казахских земель к Российскому государству, воспринимались и интерпретировались обеими сторонами по-разному. В середине XIX столетия Россия в Казахской степи реализовывала модель косвенного управления, характеризующуюся наблюдением за исправным функционированием традиционных местных административных институтов и делегированием значительных пол-

номочий имперским наместникам (председателю Пограничной комиссии, оренбургскому губернатору). Своеобразие косвенной модели управления применительно к казахскому краю состоит в том, что традиционные методы воздействия на коренное население использовали не только местные, но и имперские институты. На этот период пришлось максимальное ослабление ханской власти в Малой орде, что само по себе стало итогом реализации политики российской столицы и регионального центра. В условиях сконструированного безвластия империя сделала ставку на ханскую оппозицию и использовала ее для реализации своих административных преобразований. Но, получив желаемое, предала своих вчерашних союзников, вернувшись к идее возведения на престол марионеточного правителя.

Опыт управления башкирами диктовал необходимость поиска новых подходов к управлению кочевым населением, которые позднее были применены и в отношении казахов. А продемонстрированное башкирами жесткое сопротивление наиболее одиозным мероприятиям правительства вынудило российскую администрацию действовать в отношении казахских владений более осторожно. В отношении калмыков, позднее башкир вступивших в российское подданство, правительство придерживалось уже более мягкой тактики, поначалу не вмешиваясь демонстративно в их внутренние дела. Интеграция ханства в административное пространство империи сопровождалась манипулированием внутренними противоречиями, протекцией лояльным лидерам, элементами косвенного управления, которые позднее нашли применение в российско-казахских отношениях.

В третьей главе «Административная политика России в Казахской степи во второй половине XVIII – начале XIX века: кризис и деконструкция системы косвенного управления» показаны изменения, произошедшие под влиянием усиления административного давления центра в Башкирии и Калмыкии, динамика отношения О. А. Игельстрома к ханской власти в Малой орде, обстоятельства приведения в повиновение казахов Среднего жуза.

Параграф 3.1 «Организация российского управления у кочевых народов

Южного Урала и Нижней Волги» состоит из двух частей. В первой («Усиление административной и экономической ассимиляции Башкирии в 1730-х – 1790-х годах») исследованы продолжившееся ограничение местных традиций управления, жесткое вмешательство в вопросы культа и резкое усиление налогового бремени, вызывавшие сопротивление населения, жестоко подавлявшееся царскими войсками, что, в свою очередь, провоцировало новые более мощные народные восстания. Правительство искало и опробовало новые способы более эффективной организации управления кочевниками. Среди них были понятные степнякам аманаты, строительство крепостей как форпостов российской власти, развитие промышленности и торговли, призванных экономически привязать регион к остальной России, а также русская земледельческая колонизация, преследовавшая весьма широкий спектр политических, экономических и социальных целей. В это время в недрах региональной администрации рождается идея военизации башкирского управления как ответ на неудачные попытки приведения края в полное повиновение. Башкирский опыт убедил правительство при укреплении своего влияния в казахских землях отказаться от наиболее одиозных шагов (перепись населения, установление и повышение ясака, ограничение ислама, земледельческая колонизация), ограничившись теми, которые не имели характера явного давления на коренное население (аманаты, строительство крепостей, развитие торговли). С основанием Оренбурга и расширением российских владений в юго-восточном направлении, вызванным присоединением Казахской степи, земли башкир и казахов оказались объединены под контролем новой региональной администрации. Возникла ситуация, когда оба кочевых народа управлялись одними и теми же людьми. Вполне естественно, что это обстоятельство способствовало применению в отношении новых подданных (казахов) тех политических принципов и мер, которые уже были испытаны на башкирах. В 1790-х гг. генерал-губернатор О. А. Игельстром провел в Башкирии судебную (нижние расправы) и волостную реформы, распространенные и на соседнюю Казахскую степь (Малую орду), входившую в сферу его административной ответственности.

Во второй части (*«Распад Калмыцкого ханства как результат неэффективной политики российского правительства»*) доказываемость обусловленность исхода калмыков в 1771 г. двумя причинами. С одной стороны, у них сохранялась тяга к соплеменникам джунгарам и вера в то, что вместе с ними они могут обеспечить сохранность своих традиций и лучшее будущее. Но главной причиной все-таки следует считать масштабное наступление правительства империи на права правителей ханства и калмыцкой знати, выхолащивание традиционных институтов и постепенную ликвидацию народных обычаев при недостаточном контроле со стороны российской администрации и отсутствии силовой поддержки этих мероприятий. Это трагическое событие стало серьезным опытом для российской администрации. Представляется, что калмыцкий исход убедил власти более осторожно относиться к властным, социальным и экономическим традициям кочевого населения, обеспечивать любые значимые социальные трансформации административными, военными, а иногда и дипломатическими мерами. Взгляд на содержание и механизмы реализации политических установок в Казахской степи убеждает в том, что там российское правительство опиралось уже на опыт управления не только Башкирии, но и Калмыкии.

Параграф 3.2 «Российско-казахские политические отношения в 1760-е – 1770-е годы» посвящен периоду начала поиска эффективных способов управления Казахской степью.

В 1759 г. крупные региональные деятели А. И. Тевкелев и П. И. Рычков предложили правительству свой взгляд на будущее казахов в составе Российской империи. Они сформулировали основной принцип управления степью во второй и третьей четвертях XVIII века: «...время от времени киргисцев утверждать в подданстве и содержать при здешних границах». Другой принцип звучал следующим образом: «...вызнавать их нравы и состояние и поступать с ними справедливым и умеренным образом, к тому их направлять и наклонять, чего от них государственный интерес требует...». Действенным средством к приведению казахов в покорность они считали торговлю, поощрение развития в их среде земледелия через ликвидацию пошлин на хлебную торговлю. А в отно-

шении управления предлагали вернуться к идее, высказанной еще в инструкции И. К. Кириллову (1734) о создании пограничных судов из представителей казахской элиты и российских чиновников, которые фактически должны были стать новыми региональными административными органами. В отношении внутреннего управления они предлагали сохранить разделение Казахской степи на части и, отказавшись от избрания ханов, перейти к назначению их верховной властью. Следует заметить, что Петербург (Коллегия иностранных дел) не была готова к столь радикальным преобразованиям, предпочтя фактически сохранение в Степи *status quo*.

Итак, оренбургские пограничные чиновники постулировали главные принципы управления казахами в XVIII веке, которые сводились фактически к минимальному вмешательству российской администрации в их внутренние дела, к максимальной благосклонности пограничных командиров к просьбам казахских ханов и султанов, к периодической фиксации их подданства через приведение владельцев к присягам по случаю визитов имперских представителей в степь, к распространению среди них норм европейской цивилизованности, к убеждению их действовать в интересах российского государства. Иными словами, фактическое подданство казахов России воспринималось ими как сохранение принявших это подданство районов Казахской степи в качестве внешней области империи, не подчиняющейся ни в коей мере общегосударственному законодательству, фактически не управляемой из центра. Такой подход дает основания утверждать, что Казахская степь виделась местным чиновникам как колония, в которой предполагалось реализовать начала косвенного управления.

События второй половины 1770-х годов свидетельствуют о заметном росте авторитета султана Средней орды Абылая. Этот султан фактически превратился в правителя орды, сумевшего проводить мудрую политику лавирования между своими могущественными соседями (Россией и Китаем) и при этом сплотить вокруг себя значительную часть казахского общества. Его смерть вновь ввергла Среднюю орду в пучину межродовых столкновений, ускоривших ликвидацию ханской власти в Казахской степи и ее административно-

политическую ассимиляцию Российской империей⁴⁰.

Середина 1780-х годов отмечена ростом напряженности в Малой орде, связанной с выдвижением среди местной элиты батыра Сырыма Датова. Он не только заявил претензию на власть в орде, но и получил поддержку пограничных властей, которые использовали движение Датова для решения своих тактических политических задач. В новых условиях пограничная администрация и город Оренбург как ее резиденция превращаются в важного игрока в региональной политике империи. Во второй четверти XVIII столетия Средняя орда окончательно выбирает пророссийскую ориентацию и устанавливает более тесные отношения с администрацией Сибирских линий. В Казахской степи возникает новая административно-территориальная общность, создаются предпосылки для оформления двух обособленных региональных политических центров: оренбургского для Малой орды и сибирского для Средней.

Параграф 3.3 «Реформы и проекты реформ в Казахской степи конца XVIII века» посвящен исследованию реформ О. А. Игельстрема, итогам их реализации, новым проектам административных преобразований в регионе.

В 1784 г. для казахов Малой орды был учрежден пограничный суд в Оренбурге. Он был создан в период безвластия в Малой орде. Безвластия, если не инициированного российской пограничной администрацией, то стимулированного ею. Представляется, что именно поэтому О. А. Игельстром, превысив данные ему полномочия, наделил Пограничный суд еще и административными полномочиями.

В период реализации этой части преобразований особо выпукло проявилась тактика игры на межказахских противоречиях. Стремясь свести на нет власть хана Нуралы, генерал-губернатор Игельстром открыто поддержал его противников во главе с батыром Сырымом Датовым, который был вполне официально признан своего рода казахским лидером – «начальным советником во

⁴⁰ Под административно-политической ассимиляцией в диссертации понимается слияние региона с империей и растворение его самобытности в общегосударственной административной и политической системах (от лат. *assimilatio* – уподобление, слияние, усвоение).

всех орды их обстоятельствах». Однако проявившееся затем усиление Датова сделало его ненужным российской администрации и определило судьбу изгоя. Выполнив свою задачу по ослаблению института ханской власти, он вынужден был уйти с политической сцены.

Следующий этап реформ О. А. Игельстрома – создание расправ внутри Малой орды (1787) показал свою полную несостоятельность. Искусственно созданные органы не имели ничего общего с традиционными казахскими институтами, равно как и не являлись органами российского управления. Тем не менее первая попытка преобразования степного управления дала толчок к появлению новых административных проектов (Д. А. Гранкин, Я. В. Боувер, М. Хусаинов).

Созданные О. А. Игельстромом учреждения принципиально отличались от традиционных казахских институтов и означали попытку избежать прямого участия империи в управлении Малой ордой. Утвержденные российской властью расправы и старшины призваны были стать непосредственными трансляторами имперской политики в среду коренного населения региона. В это время появляются предложения организовать управление Средней ордой на иных, более близких к общеимперским принципам. Явно отмечаемый интерес влиятельных чиновников разного уровня к поиску модели управления Казахской степью свидетельствует о накоплении в российско-казахских отношениях критической массы противоречий, которые должны были разрешиться более глубокими преобразованиями. В любом случае Россия вступала в новую фазу отношений с казахами – в период адаптации их политической системы к имперским условиям.

Параграф 3.4 «Административная политика в Казахской степи в начале XIX века» посвящен периоду, когда шла выработка общих подходов к управлению нерусскими народами империи, в том числе жителями юго-восточной окраины государства.

В первой четверти XIX в. сохранились основные тенденции административной политики конца предыдущего столетия, но они приобрели более конкретный вид. Новое законодательство (1806) оставило в руках хана лишь поли-

цейскую власть, передав судебные полномочия в совместное ведение хана и его совета. Вертикаль исполнительной власти в Степи была представлена родоначальниками и старшинами. Это стало новым шагом на пути региона от полузависимого владения к собственно имперской территории с подобием коллегиального органа и превращением оренбургского военного губернатора и Пограничной комиссии в главные административные органы Малой орды.

Параллельно оформилась другая тенденция – намерение пограничных властей законодательно разделить управление разными частями Казахской степи. Со временем эти тенденции лишь усугублялись. Не ограничиваясь фактическим назначением ханов, оренбургские губернаторы стали навязывать им даже членов Ханского совета, продолжая играть на межродовых противоречиях во имя облегчения управления регионом. Фактически оренбургская власть от конструирования российско-казахских отношений перешла к конструированию властных отношений внутри Степи.

Проанализированные в главе документы дают основания утверждать, что в последней четверти XVIII в. был осуществлен переход от косвенного к прямому управлению Казахской степью. Освоение Казахской степи привело к соединению в руках одной региональной администрации управления казахами и башкирами, что способствовало распространению на новых подданных тех административных мер и приемов, которые уже были испытаны на башкирах. Опыт последних убедил правительство при укреплении своего влияния в казахских землях отказаться от наиболее жестких шагов, остановившись на тех, которые не имели характера явного давления на коренное население. Прямым подтверждением тому служит реализация в 1790-х гг. генерал-губернатором О. А. Игельстромом судебной и волостной реформы в Башкирии, основные принципы которой были распространены им и на соседнюю Малую орду. Калмыцкий исход заставил власть осторожнее относиться к любым значимым изменениям в неадаптированных кочевых социумах. Содержание и механизмы реализации административных мероприятий в Казахской степи убеждают в том, что там имперское правительство широко опиралось на опыт управления

другими кочевыми народами (башкирами и калмыками).

Одним из способов удержания казахов в повиновении в сложных условиях внутренней нестабильности в казахских жузах на протяжении всего XVIII в. было использование межказахских противоречий во избежание концентрации власти в степи в одних руках и ослабление ханского влияния как такового. Участие пограничной администрации в межклановой борьбе и политических противостояниях внутри Степи сделали Россию активным участником внутренних процессов, что подтачивало основы косвенного управления и неминуемо вело к переходу к модели прямого управления. Попытка отсрочить этот финал была предпринята О. А. Игельстромом. Но предложенная им промежуточная модель уже в принципе не могла устроить ни одну из сторон отношений и оказалась тупиковой. Тем не менее она стала первым шагом на пути поиска оптимальной модели управления регионом, стимулировала появление первых проектов по созданию российской административной системы в Казахской степи и их обсуждение в правительственных кругах. Несмотря на то что на протяжении всего XVIII столетия Казахская степь имела один пограничный административный центр в Оренбурге, а кочующая рядом с ним Малая орда считалась образцом российско-казахских административных отношений, к концу столетия складываются предпосылки для формирования нового регионального политического центра на Сибирских линиях и возникновения новой административно-территориальной общности в составе Средней орды и сибирской администрации. Удаленность ее от Оренбурга и своеобразие местных пограничных отношений создавали условия для реализации здесь особой системы управления.

Четвертая глава «Административная политика России в Казахской степи в первой половине XIX века: поиск новых моделей регионального управления» посвящена изучению российского законодательства о казахах первой половины XIX в. Она начинается с описания кантонной системы в Башкирии, которая, несмотря на своеобразие, все-таки дала некоторые элементы, использованные позднее в Казахской степи. А административная ассимиляция Калмыкии фактически создала модель, распространенную на Внутреннюю ка-

захскую орду.

Параграф 4.1 «Модели управления кочевыми народами Южного Урала и Нижней Волги» делится на две части. В первой (*«Кантонное управление в Башкирии как опыт административной организации кочевого и полукочевого населения»*) показано, как с середины 1830-х гг. Россия в Башкирии перешла к резкому ограничению традиционных институтов, строительству пограничных форпостов и милитаризации административной системы. Уникальность региона состоит в том, что его специфика нашла отражение в введении кантонной системы, создании Башкиро-мещерякского войска и других реформах, реализация которых, с одной стороны, позволяла максимально использовать потенциал края, а с другой – шаг за шагом приближала его к общеимперскому положению. Утрата пограничного положения Башкирии повлекла за собой ликвидацию войска и завершение ее административной и социальной ассимиляции. Башкирия демонстрирует пример использования различных, порой диаметральных практик ради достижения конечной цели – превращения ее в неотъемлемую органичную часть единого гомогенного государства. Пример, довольно растянутый во времени, но завершившийся желаемым результатом. Специфической чертой этого процесса было использование различных местных ментальных и социокультурных особенностей для решения текущих государственных задач. Логичным казалось бы перенесение кантонной практики и на казахов. Но степень их интеграции в рассматриваемый период была еще весьма незначительной, а интенсификация административного вмешательства была чревата широкомасштабным сопротивлением. Возможно поэтому в XIX столетии векторы административного развития башкирских и казахских земель практически разошлись. Но и при этом нельзя не отметить некоторого влияния башкирского опыта. Это касается деления прилинейных казахов на дистанции, одновременного учреждения института попечителей у башкир и казахов, а также проявившихся позднее в Казахской степи административного ограничения мулл, поощрения словесного суда (суда биев) и некоторых других мероприятий.

Во второй части (*«Административная ассимиляция Калмыкии в первой по-*

ловине XIX века») исследован процесс окончательной ликвидации остатков калмыцкой автономии к середине XIX столетия. Органом центрального управления стало Министерство государственных имуществ, калмыцкая администрация интегрировалась в систему управления Астраханской губернии, был ликвидирован Зарго и учреждены улусные и аймачные сходы. Сохранившееся своеобразие местного управления носило остаточный характер. История калмыцкой администрации в XIX в. показывает, что в реализации своих планов имперская администрация использовала свой предыдущий опыт, действуя целенаправленно и постепенно с учетом значительной ослабленности потенциала местного населения.

Геополитическое положение Внутренней орды и ее институционально-генетическая близость к Калмыцкому ханству определили общность государственных подходов к обеим территориям и судьбу этой части Казахской степи как наиболее адаптированной к внутрироссийским условиям. А опробованный у калмыков институт пристава был использован не только во Внутренней, но и в Большой орде, где российская власть первоначально не желала вводить полномасштабную администрацию.

В параграфе 4.2 *«Реформа М. М. Сперанского и преобразования управления казахами сибирского ведомства во второй четверти XIX века»* исследуется российское законодательство о казахах Сибирского ведомства.

Анализ вопроса начат с изучения проекта Положения о сибирских инородцах, отложившегося в фондах РГИА и являющегося предтечей Устава о сибирских киргизах 1822 г. Изучение последнего документа вполне однозначно свидетельствует о явно обозначившейся тенденции к распространению на Казахскую степь основополагающих принципов и элементов общеимперского управления, рассчитанного на перспективу полного инкорпорирования этого региона в состав единого государства. Именно в этом убеждает и динамика российского законодательства о казахах Сибирского ведомства (1822, 1838, 1854).

Иная ситуация сложилась в отношении Большой орды, где первоначально (1847–1848) вообще не было создано гражданского управления на том основа-

нии, что главной целью правительства в этой части Степи объявлялось не приращение новых подданных, а могущие здесь возникнуть торговые преференции и то, что подчинение правительственным чиновникам могло бы встревожить местное население.

Осуществленная М. М. Сперанским реформа создала в Средней орде имперские структуры управления с представителями коренного населения, превращенными в российских чиновников. В основе подхода Сперанского лежала идея переноса на новую почву институтов и принципов управления, утвердившихся во внутренней России. И это со всей явностью демонстрировало тенденцию к административной ассимиляции казахских земель Сибирского ведомства. Ближе к середине столетия система управления сибирскими казахами приобрела большее многообразие, распространившись на вновь присоединенные к России территории. Основные изменения в ней были направлены на усиление военно-административного начала. При этом местная выборная традиция власти все в большей степени сходилась на нет. Таким образом, во второй четверти XIX в. на территории Средней орды сложилась административная модель, в значительной степени ориентированная на общеимперские институты, которая вполне однозначно являла стремление ускоренной адаптации региона к общеимперскому положению.

Параграф 4.3 «Организация управления казахами Оренбургского ведомства (Малой орды) в 1820-х–1860-х годах» раскрывает процесс становления особой модели административного управления Казахской степью.

Реформа управления оренбургскими казахами должна была пройти одновременно с реформой М. М. Сперанского. И уже этот проект (1822) радикально отличался от сибирского законодательства. Однако общего закона для управления казахами оренбургского ведомства долгое время не было принято. Этот регион продолжал управляться на основе традиций, шедших еще с прошлого столетия. Поэтому долгое время пограничное начальство не видело принципиальной разницы между российской и местной «туземной» администрацией, воспринимая их в равной степени проводниками имперской политики. Этим сле-

дует объяснить чрезвычайно длительное сохранение в регионе традиционных элементов управления, лишь в той или иной степени адаптированных к новым условиям.

Преобразования 1824 г. фактически означали отход от модели М. М. Сперанского в пользу сохранения внутреннего управления Малой ордой в руках казахской знати. Тот же принцип сохранился и в последующем законодательстве (1844, 1856). В деле приближения региона к положению внутренних губерний России оренбургская администрация шла путем, отличным от сибирского. Путем постепенной и последовательной адаптации местных административно-политических и социально-экономических условий. Реализация этой модели сопровождалась чрезвычайно интересными мероприятиями, среди которых обязательно следует указать на введение института попечителей, призванных стать защитниками коренного населения. Другой характерной чертой оренбургской модели управления стало особо осторожное отношение к народному суду – принцип, взятый на вооружение при дальнейших административных преобразованиях в Центральной Азии.

Параграф 4.4 «Административное устройство Внутренней орды до 1860-х годов» посвящен исследованию системы управления особого региона Казахской степи, фактически созданного в 1801 г. правительством на внутренней стороне р. Урал, которую оно считало собственно российской территорией.

Возникшая там административная система была уникальной не только для исследуемого региона, но и в Российской империи вообще. В условиях особого патроната со стороны правительства здесь утвердилась модель управления, сочетавшая в себе элементы бюрократической государственной машины России с возведенными на новый уровень традиционными казахскими институтами. В итоге хан получил здесь фактически безграничные полномочия, самовластно управляя в своих владениях. Он самостоятельно раздавал земли, устанавливал сборы, определял содержание должностным лицам местного управления, перевел народный суд под юрисдикцию родоправителей и старшин.

На территории Внутренней орды довольно быстрыми темпами, во всяком

случае, в сравнении с другими казахскими регионами, шло оседание номадов на землю, интенсифицировались процессы сближения местного населения с соответствующими сословиями Российской империи. Тесное административно-политическое и социально-экономическое взаимодействие Внутренней орды с окружающими российскими регионами, высокая степень централизации управления наряду с большей зависимостью от центра создали здесь условия для наиболее безболезненной трансформации региона в ординарную часть империи.

Проведенное исследование показывает, что во второй четверти XIX в. в Казахской степи сложились три различные административные модели. Оренбургская модель, реализуемая в зауральской Малой орде, унаследовала все родовые признаки управления казахами, сложившиеся на протяжении всего XVIII столетия. Характер российско-казахских отношений, реализовывавшихся в этой части Казахской степи, в широком понимании можно определить как попечительный. Сибирская модель (Средняя орда) предполагала большую интеграцию с имперской административной системой. Применение административных механизмов и институтов, адаптированных к местным условиям, создавало предпосылки для ускорения интеграции Области сибирских киргизов с остальной Россией. Уникальная ситуация сложилась с Внутренней ордой, где сформировалась административная модель, сочетавшая в себе мощную бюрократическую составляющую с авторитарным характером ханской власти. Благодаря прямому взаимодействию с высшими эшелонами имперской администрации, хан де-факто смог добиться полномочий и привилегий, немислимых в традиционном казахском обществе. Сравнительно с другими казахскими землями, здесь ускоренными темпами шли процессы экономического и социального развития, неуклонно приближавшие Внутреннюю орду к положению соседних частей России. В Большой орде в рассматриваемый период самостоятельная система управления не сформировалась. То обстоятельство, что во второй четверти XIX столетия в Казахской степи практически одновременно сложились три самостоятельные модели управления, безусловно, свидетельствует, с

одной стороны, о реализации замысла о разделении казахской администрации во избежание угрозы совместных антиправительственных действий казахов, а с другой – убеждает в том, что империя вела поиск универсальной административной модели, в рамках которой можно было бы не только управлять всем регионом (в целом или частями – не принципиально), но и достичь главной цели региональной политики России – интеграции Степи с внутренними частями государства.

Отчасти эта задача решалась через использование методов, институтов и учреждений, внедренных ранее у соседних кочевых народов. При этом заметим, что в XIX в. векторы административного развития башкир и казахов уже разительно отличались. Сопоставление российской административной политики в Башкирии, Калмыкии и Казахской степи позволяет сделать вывод о том, что во всех трех случаях империя вела национальные окраины к одной главной цели – их органичному слиянию с остальной Россией. При этом темпы и методы несколько отличались. Но отличия эти крылись в первую очередь в опыте управления нерусскими территориями, который на тот момент имело государство. В Казахской степи был избран особый оригинальный путь апробации различных административных моделей ради определения той магистральной, которая и должна была превратить Степь в органичную неотъемлемую часть Российского государства.

В заключении подведены итоги исследования, представлены выводы по основным аспектам проблемы, которые в обобщенном виде сформулированы в виде основных положений, вынесенных на защиту.

Анализ административных практик российского правительства в отношении различных казахских регионов на протяжении XVIII – первой половины XIX в. убеждает в том, что все они имели общее происхождение и были подчинены одной цели – полной интеграции Казахской степи с остальной Россией. При этом кажущаяся фрагментированность и дискретность этих мероприятий являются лишь проявлениями поиска наиболее приемлемых способов реализации этой задачи и определения самой эффективной административной модели.

Иными словами, применительно к российско-казахским отношениям рассматриваемого периода можно вполне однозначно утверждать о наличии и реализации Российской империей единых региональных политических подходов. Единство политического курса в отношении нерусских народов юго-востока доказывают использование управленческого опыта империи на других кочевых и полукочевых окраинах и прямой перенос отсюда в Казахскую степь некоторых наиболее эффективных административных институтов.

Приложения представлены шестью схемами, демонстрирующими состояние и динамику административных систем, законодательно и фактически учреждавшихся российским правительством в казахских землях в конце XVIII – первой половине XIX в.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главные направления российско-казахского взаимодействия, а именно военно-политическая поддержка и торговые интересы, были заложены еще с начала первых дипломатических контактов Казахского ханства и России. Несмотря на диахронный характер взаимного интереса двух государств, последний был достаточно сильным для того, чтобы откорректировать восточный вектор политики Петра I в пользу казахских жузов как главной цели региональных устремлений России.

2. В казахском обществе не было единства в вопросе о характере взаимоотношений с Российской империей. Само обращение хана Младшего жуза к российской императрице не означало просьбу о подданстве в его европейском понимании. Это было лишь обращение за патронатом, предполагавшее возможность независимого существования под покровительством мощной державы, способной обеспечить внешнюю безопасность жузам. При этом Абулхаир не обладал соответствующими полномочиями: значительная часть султанов и старшин Младшего, а тем более Среднего жузов выступали против интенсивного сближения с Россией. При этом хана подталкивали как объективные условия (джунгарская, башкирская и калмыцкая угроза, а также внутренняя нестабильность в Младшем жузе), так и причины личного характера – желание авто-

ритетом империи укрепить ханскую власть вообще и собственную династию на белой кошме в частности.

3. Восприятие подданства казахской элитой и российским правительством отличались принципиально. Султаны и старшины воспринимали ситуацию как режим вассалитета, позволяющий исполнять только официально оговоренные условия и, при определенных обстоятельствах, отойти от господина (Российской империи). В то же время Петербург считал казахов своими новыми подданными, которые вступили на невозвратный путь сближения с остальным населением империи, рассматривал регион как неотъемлемую часть России и видел необходимость введения в нем «правильной» администрации.

4. Вплоть до реформ 1822 г. представители российской администрации использовали внутривластную нестабильность в Казахской степи для реализации тактических задач региональной политики. Пограничные начальники вступали в переговоры с противостоящими родоплеменными группировками, периодически поддерживая то одних, то других во избежание усиления ханов и султанов и концентрации в их руках власти на значительной территории, фактически реализуя обычный для империи принцип «разделяй и властвуй». Наиболее ярким примером в этом отношении является изменчивая позиция О. А. Игельстрома в отношении батыра Сырыма Датова и его сторонников. Кроме этого, пограничная администрация ради обеспечения безопасности в Степи и контроля над местными владельцами использовала такие методы, как увещевание, одаривание, «привлечение к городам и торговле», а также военную и материальную помощь своим ставленникам, карательные экспедиции и барымту.

5. Реализованная в условиях фактического безвластия в Казахской степи реформа О. А. Игельстрома хоть и оказалась отчасти неудачной, показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутривластные отношения. Причем это проявилось не только в институциональном аспекте, но и применительно к повседневной практике взаимо-

отношений главной пограничной власти с ханами Малой орды. А сам неуспех преобразований подтолкнул российскую чиновничью элиту к поиску более эффективных моделей управления Степью.

6. На протяжении всего XVIII в. российская администрация заимствовала у казахов традиционные инструменты и методы воздействия на население (принуждения), несовместимые с общегосударственными представлениями. Здесь в первую очередь речь идет о вооруженных набегах и барымте. Признавая барымту безусловным злом, высшие столичные и местные пограничные чиновники на протяжении десятилетий использовали ее как средство подавления самих барымтачей, считавшихся преступниками. Понимание вредности насаждения новой государственности и новой цивилизованности неподобающими (варварскими) способами наступило лишь к концу XVIII в.

7. Российская политика в регионе носила динамический характер. Вплоть до начала XIX в. речь шла о попытках косвенного управления казахскими землями, в первой половине XIX столетия империя использовала элементы прямого управления, а к середине столетия (1860-е гг.) перешла к ускоренной адаптации региональных административных систем к общеимперской. Первоначально имперское правительство пыталось использовать имеющиеся внутри Степи политические ресурсы для приведения региона в повиновение, надеясь обойтись в этой деятельности лишь учреждением пограничной администрации и ее императивной связью с казахскими ханами и старшинами. В первой половине XIX столетия внутри Степи были созданы новые институты, являющиеся уже собственно имперскими учреждениями, несущими региональную специфику. Лишь к середине столетия в законопроектах появляются предложения ввести в регионе административную систему, максимально приближенную к общегосударственной.

8. В основу российских административных систем в Малой, Средней и Внутренней казахских ордах были положены различные принципы. Оренбургская модель (Малая орда) в большей степени учитывала местные традиции и в меньшей – общегосударственные начала. Западносибирская (Средняя орда) бы-

ла основана на общеимперских принципах управления и фактически является примером адаптации местных традиций к государственным нуждам. Административная модель Внутренней орды представляет собой уникальный сплав бюрократизации с авторитарным характером ханской власти, что в итоге создало систему, наиболее интегрированную в общеимперскую. В Большой орде в первой половине XIX в. завершенной административной системы не было создано, что обуславливалось желанием правительства избежать недовольства со стороны местного населения, которое могло выразиться не только в сопротивлении, но и в откочевании в китайские пределы.

9. Многообразие административно-организационных форм в первой половине XIX в. свидетельствует не об отсутствии единой региональной политики империи, а о поиске наиболее оптимальной модели для преобразования управления всем казахским регионом. Сохранение одних пограничных территорий в ведении Министерства иностранных дел и других под высшим надзором Военного министерства, передача уже адаптированных земель в ведение Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ характеризуют этапы территориальной ассимиляции большого региона. А создание трех принципиально отличных моделей управления следует рассматривать как поиск магистральной для административной унификации всей Казахской степи и для ее дальнейшей адаптации к общегосударственным условиям.

10. Новые административные нормы и институты вводились в казахских землях с учетом опыта, полученного в других регионах (Калмыкия и Башкирия), что позволяет говорить о наличии единой политики государства со своими региональными вариантами. Российское правительство переносило институты (ханский совет, приставы, попечители), использовало приемы административной организации кочевого и полукочевого населения близких в этносоциальном отношении регионов империи для реализации государственных задач внутри Казахской степи. Казахская политика России заимствовала из башкирского и калмыцкого опыта бóльшую мягкость в обращении с местным населением, постепенность в преобразованиях, использование сдержек и противоре-

сов в отношениях с местной элитой, ослабление и замену ханской власти, длительное сохранение народного суда, осторожное обращение с религиозными чувствами и пр. Перенимала полученный там политический и административный опыт для приведения в повиновение казахов и последовательного превращения региона из внешней во внутреннюю (или национальную) окраину гетерогенного государства.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

Монографии

1. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века [Текст] / Д. В. Васильев. – М.: Политическая энцикл., 2014. – 471 с. (29,5 п. л.)

2. Васильев, Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века [Текст] / Д. В. Васильев. – М.: ИБП, 2015. – 303 с. (20 п. л.)

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих периодических журналов, рекомендованных ВАК РФ:

3. Васильев, Д. В. Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865–1884 гг.) [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1999. – № 3. – С. 48–62. (0,5 п. л.)

4. Васильев, Д. В. Полпред Российской империи [Текст] / Д. В. Васильев // Военно-ист. журнал. – 2003. – № 3. – С. 70–76; № 4. – С. 46–49. (1,0 п. л.)

5. Васильев, Д. В., Арапов, Д. Ю. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. [Текст] / Д. В. Васильев, Д. Ю. Арапов // Ист. архив. – 2005. – № 1. – С. 150–174. (1,0 п. л.)

6. Васильев, Д. В. Туркестанская область: становление административного законодательства в Русском Туркестане. 1854–1866 [Текст] / Д. В. Васильев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 4. – С. 174–180. (0,5 п. л.)

7. Васильев, Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам

Положения об управлении 1870-х гг. [Электронный ресурс] / Д. В. Васильев // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 5 (24). – М.: Науковедение, 2014. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. (1,0 п. л.)

8. Васильев, Д. В. Вступление казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии [Текст] / Д. В. Васильев // Науч. обозрение. – Сер. 2. Гуманитар. науки. – 2015. – № 2. – С. 151–156. (0,5 п. л.)

9. Васильев, Д. В. Административное управление Малой казахской ордой в первой половине XIX в. [Текст] / Д. В. Васильев // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 40–45. (0,5 п. л.)

10. Васильев, Д. В. Казахская степь на рубеже XVIII–XIX вв.: реформы и проекты [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 4. История. – 2015. – № 6 (36). – С. 135–145. (0,7 п. л.)

11. Васильев, Д. В. Калмыцкое ханство в административно-политической системе Российской империи (середина XVIII – середина XIX в.) [Текст] / Д. В. Васильев // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11 (61): в 3-х ч. – Ч. I. С. 38–42. (0,5 п. л.)

12. Васильев, Д. В. Касимовское ханство и первые дипломатические контакты России и Казахстана [Текст] / Д. В. Васильев // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7 (57): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 35–38. (0,4 п. л.)

13. Васильев, Д. В. Мусульманская политика Российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – Т. 4. История. – 2015. – № 2. – С. 117–226. (0,7 п. л.)

14. Васильев, Д. В. Организация российского управления башкирами в конце XVIII – первой половине XIX века [Текст] / Д. В. Васильев // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (60): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 29–34. (0,5 п. л.)

15. Васильев, Д. В. Организация российского управления башкирами во второй половине XVI – третьей четверти XVIII в. [Текст] / Д. В. Васильев // Науч. мысль Кавказа. – 2015. – № 3. – С. 126–129. (0,4 п. л.)

16. Васильев, Д. В. Организация управления Внутренней казахской ордой в пер-

вой половине XIX в. [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер.: История и полит. науки. – 2015. – № 4. – С. 76–85. (0,5 п. л.)

17. Васильев, Д. В. Реформы управления казахами Оренбургского ведомства второй четверти XIX в. [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер.: История и полит. науки. – 2015. – № 5. – С. 117–125. (0,45 п. л.)

18. Васильев, Д. В. Становление Калмыцкого ханства как субъекта Российской империи. XVII – первая половина XVIII в. [Текст] / Д. В. Васильев // Извест. Самарск. науч. центра РАН. – 2015. – № 3(2). – С. 351–357. (0,5 п. л.)

19. Васильев, Д. В. Страница азиатской политики Петра I: К истории похода Бековича-Черкасского в Хиву [Текст] / Д. В. Васильев // Извест. Самарск. науч. центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3. – С. 24–29. (0,5 п. л.)

20. Васильев, Д. В. Реализация реформ О. А. Игельстрома в степи оренбургского ведомства [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 4. История. – 2015. – № 1 (31). – С. 17–22. (0,5 п. л.)

21. Васильев, Д. В. Ханская власть в Казахской степи в контексте региональной политики Российской империи [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – Т. 4. История. – 2015. – № 3. – С. 7–14. (0,5 п. л.)

22. Васильев, Д. В. Суд биев в российском законодательстве о Туркестанском крае [Электронный ресурс] / Д. В. Васильев // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. – 2016. – № 3 (19). – С. 41–53. – Режим доступа: <http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Vasilyev3-19.html> (0,5 п. л.)

Публикации в других изданиях и материалы конференций

23. Васильев, Д. В. Формирование учредительного законодательства в Русском Туркестане (1865–1886 гг.) [Текст] / Д. В. Васильев // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II Чтений памяти проф. Т. П. Коржихиной / под общ. ред. Т. Г. Архиповой. – М.: РГГУ, 1999. – С. 66–70. (0,4 п. л.)

24. Васильев, Д. В. О политике царского правительства в Русском Туркестане (к вопросу о «русификации») [Текст] / Д. В. Васильев // Сб. Рус. ист. о-ва. – Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия. – М.: Рус. панорама, 2002. – С. 58–70. (1,0 п. л.)

25. Васильев, Д. В. Управление коренным населением Туркестанского края в

Российской империи [Текст] / Д. В. Васильев // Кочевая альтернатива социальной эволюции. – М.: Ин-т Африки РАН, 2002. – С. 250–255. (0,5 п. л.)

26. Васильев, Д. В. Переселенческая политика Российской империи в Центральной Азии (XVIII – начало XX вв.): основные направления, побудительные причины и движущие силы [Текст] / Д. В. Васильев // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных зонах Российской Федерации. Материалы междунаrod. научно-практ. конф. Часть I. Тюмень, 7–8 октября 2004 г. / под ред. И. С. Карабулатовой, О. В. Трофимовой, Е. Е. Ермаковой – Тюмень: Мединфо, 2004. – С. 54–60. (0,4 п. л.)

27. Васильев, Д. В. Мусульманская политика Российской империи в Центральной Азии: диалог власти и местной элиты [Текст] / Д. В. Васильев // Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире: Науч. докл. / под ред. А. В. Гладышева и В. Б. Устьянцева. Часть 2. – Саратов: Науч. книга, 2005. – С. 286–299. (1,0 п. л.)

28. Васильев, Д. В., Нефляшева, Н. А. Конструируя империю: исламские периферии России (вызовы, практики, участники) [Текст] / Д. В. Васильев, Н. А. Нефляшева // Науч. труды Ин-та бизнеса и политики. – Вып. 1: Восток: история, политика, культура. – М.: ИБП, 2006. – С. 8–51. (3,5 п. л.)

29. Васильев, Д. В. Россия в Центральной Азии: политика империи на мусульманской окраине [Текст] / Д. В. Васильев // Востоковедение и африканистика в ун-тах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуал. проблемы и перспективы. Междунаrod. науч. конф. 4–6 апреля 2006 года: Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков. – СПб., 2006. – С. 244–246. (0,3 п. л.)

30. Васильев, Д. В. Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине [Текст] / Д. В. Васильев // Науч. труды Ин-та бизнеса и политики. – Вып. 4: Восток: история, политика, культура. – М.: ИБП, 2007. – С. 39–70. (2,5 п. л.)

31. Васильев, Д. В., Нарбаев, Н. Б. Центральная Азия во внутренней политике царского правительства [Текст] / Д. В. Васильев, Н. Б. Нарбаев // Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое лит. обозрение, 2008. – С. 86–131. (3,5 п. л.)

32. Васильев, Д. В. О понятии «внутренняя периферия» и принципах административной организации на национальных окраинах империи [Текст] / Д. В. Васильев // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффектив-

ность. Свод. материалы заоч. дискус. – Екатеринбург–Ижевск: [б. и.], 2010. – С. 421–427. (0,5 п. л.)

33. Васильев, Д. В. Социокультурные практики и особенности окраинного управления империей [Текст] / Д. В. Васильев // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Свод. материалы заоч. дискус. – Екатеринбург–Ижевск: [б. и.], 2010. – С. 454–457. (0,3 п. л.)

34. Васильев, Д. В., Васильева, И. В. Христианская власть в мусульманском регионе: опыт конструирования образа [Текст] / Д. В. Васильев, И. В. Васильева // Международ. конф. «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты». Гранада 7–9 сентября 2011 года. – Гранада: Гранад. ун-т, 2011. – С. 317–322. (0,5 п. л.)

35. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь до конца XVIII в.: история политических отношений [Текст] / Д. В. Васильев // Науч. труды Ин-та бизнеса и политики. – Вып. 13: Восток: история, политика и культура / отв. ред. Д. В. Васильев. – М.: ИБП, 2011. С. 6–63. (4,0 п. л.)

36. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. – 2013. – № 4 (73). – С. 5–21. (1,5 п. л.)

37. Васильев, Д. В. Административная политика России в Казахской Степи: от реформ О. А. Игельстрома к реформам М. М. Сперанского [Текст] / Д. В. Васильев // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Рос. империи: сб. науч. статей / отв. ред. Г. С. Султангалиева. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 207–236. (2,0 п. л.)

38. Васильев, Д. В. Казахская степь в составе Российской империи в первой половине XIX в.: модели управления [Текст] / Д. В. Васильев // Евразия: прошлое, настоящее, будущее: сб. науч. трудов / под науч. ред. С. И. Ковальской. – Вып. 1. – Алматы: Эверо, 2015. – С. 10–42. (3,2 п. л.)

39. Васильев, Д. В. Реформы управления казахами Западносибирского ведомства в первой половине XIX в. [Текст] / Д. В. Васильев // Вестн. Ом. ун-та. – Сер. «Ист. науки». – 2015. – № 3(7). – С. 10–15. (0,5 п. л.)

40. Васильев, Д. В. Российская система управления в Казахской степи XVIII – 1-й пол. XIX в.: исследование политических моделей [Текст] / Д. В. Васильев // Азия и

Африка в меняющемся мире. XXVIII Международ. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докл. / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. – С. 114. (0,1 п. л.)

41. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: административное моделирование пространства [Электронный ресурс] / Д. В. Васильев // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. – 2015. – № 4 (16). – С. 65–82. – Режим доступа: <http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Vasilyev4-16.html> (1,0 п. л.)

42. Васильев, Д. В. Столица Степного края: Оренбург в казахском дискурсе Российской империи [Текст] / Д. В. Васильев // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей междунар. научно-практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 78–83. (0,5 п. л.)

43. Васильев, Д. В. Ислам в политике и законодательстве Российской империи в Туркестанском крае // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления: материалы II Международной науч.-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г. / [редкол.: Д. В. Мухетдинов (пред.), Ш. Р. Кашаф (отв. ред.) и др.] . – Москва: ООО «Издательский дом «Медина», 2016. – С. 169–182. (1,0 п. л.)

44. Васильев, Д. В. Динамика российского законодательства о Казахской степи в XIX веке // Евразия: прошлое, настоящее, будущее. Специальный выпуск сборника научных трудов «Вспоминая Макухари». Вып. 2. Макухари – Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2016. – С. 18–30. (1,0 п. л.)

45. Васильев, Д. В. Административная политика России в Казахской Степи: от реформ О. А. Игельстрома к реформам М. М. Сперанского // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы: Қазак университеті, 2015. – С. 207–236. (2,0 п. л.)

46. Vasiliev, Dmitri V. Government of the Turkistan Region Native Population in the Russian Empire [Text] / Dmitri V. Vasiliev // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Intern. Conf. Abstr. – Moscow: Inst. for Afr. Studies of RAS, 2000. – P. 134–135. (0,1 п. л.)

47. Vasiliev, Dmitri V. Government of the Turkistan Region Native Population in the

Russian Empire [Text] / Dmitri V. Vasiliev // Nomadic Pathways in Social Evolution. – Moscow: Inst. for Afr. Studies of RAS, 2003. – P. 165–171. (0,5 п. л.)

48. Alexeev, Igor, Vasiliev, Dmitriy, Neflyasheva, Naima. Islamic Institutions in Administrative System of the Russian Empire: Between Tradition and Modernization [Text] / Igor Alexeev, Dmitriy Vasiliev, Naima Neflyasheva // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Third Intern. Conf. Abstr. – Moscow: Inst. for Afr. Studies of RAS, 2004. – P. 225–226. (0,2 п.л.)

49. Vasiliev, Dmitriy, Neflyasheva, Naima. Constructing Empire: Islamic Peripheries of Russia (Challenges, Practices, Participants) [Text] / Dmitriy Vasiliev, Naima Neflyasheva // ICCEES VII World Congr. “Europe – Our Common Home?” Abstr. July 25–30, 2002, Berlin, Germany. – Berlin: [s. n.], 2005. – P. 444. (0,1 п. л.)

50. Neflyasheva, Naima, Vasiliev, Dmitriy. Islam in Russian Empire: Practices of Cross-Religious Relations [Text] / Naima Neflyasheva, Dmitriy Vasiliev // History in Global Perspective: Proceeding of the 20th Intern. Congr. of Hist. Sciences, Sydney 2005 / Ed. by Martin Lyons. – Sydney: Univ. of New South Wales, Fac. of Arts and Social Sciences, 2006. – P. 205. (0,1 п. л.)

51. Vasiliev, Dmitriy. Russia in Central Asia: to test the durability of Empire [Text] / Dmitriy Vasiliev // ICCEES VIII World Congr. “Eurasia: Prosp. for Wider Coop.”. Abstr. July 26–31, 2010. Stockholm, Sweden. – Stockholm: [s. n.], 2010. – P. 170–171. (0,1 п. л.)

52. Vasilyev, Dmitry. Transformation of the Russian Legislation for Governance of Turkestan Oblast’ 1854–1867 [Text] / Dmitry Vasilyev // The Steppe and the Sown. Abstr. for the Biennial Conf. of the Europ. Society for Centr. Asian Studies. August 4–7, 2013. Astana, Kazakhstan. – Astana: [s. n.], 2013. – P. 49–50. (0,1 п. л.)